

можно узнать, значит, фотография является формой проявления духа *kurr*. Подобно этому во время моей полевой работы у них (в первую очередь, у старшего поколения) было интересное отношение к фотографиям и видеозаписям – с некоторыми ограничениями их считали живыми. Мой хозяин смотрел видеозаписи о самом себе постоянно с большим вниманием и радостью, в то же время он часто давал комментарии к виденному: «Когда я

умру, все равно буду жить и ходить». В другой раз он иронически смеялся над собой: «Он все время работает, а я только сижу и смотрю». Просматривая видеозапись об одном разговоре, он часто одобрял свои высказывания: «Он правильно говорит». В соответствии с толкованием фотографий как духа *kurr*, по мнению старших, нельзя сжигать фотографии, потому что – как сказал мой хозяин – «будет больным тот, чью фотографию сжигают».

Литература и источники

1. Каталог. Хантыйская коллекция ТОКМ. Составитель Н.А. Тучкова. Томск, 2001.
2. Кулемзин В.М. Шаманство васюганско-ваховских хантов (конец XIX – начало XX вв.) // Из истории шаманства. Томск, 1976.
3. Кулемзин В.М. Отчет этнографической экспедиции по сбору объемного материала среди хантов верховьев р. Васюгана // Каталог. Хантыйская коллекция ТОКМ. Составитель Н.А. Тучкова. Приложение 5. Томск, 2001.
4. Иванов С.В. О значении изображений на старинных предметах культа // Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР. М.; Л. 1955. XVI.
5. Karjalainen K.F. Die Religion der Jugra-Völker. Helsinki-Porvoo, 1927. Bd. III.
6. Munkácsi B. Vogul népköltési gyűjtemény. Budapest. 1892–1921. I–IV.
7. Pápai K. Vogulok, osztyákok, zürjének és szamojédok // EA3751. Тетрадь 6.
8. Кулемзин В.М. Сто лет спустя // Северная книга. Томск, 1993.
9. Sirelius U.T. Reise zu den Ostjaken. Helsinki, 1983.

С.А. Попова

ТЕРМИНЫ РОДСТВА МАНСИ В СВЕТЕ ИХ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск

По устоявшемуся мнению многих отечественных и зарубежных ученых, в условиях перехода древнего общества с очень низким уровнем развития к более прочной форме общественной организации едва ли не единственной основой для упорядочения социальных связей было осознание общности интересов в форме родства [1, с. 139]. Терминология родства относится к наиболее архаическим пластам общенародной лексики. В науке существует два типа систем родства: классификационные и описательные, хотя ни те, ни другие не выражены в чистом виде. Для народа манси характерна классификационная система родства, где одними и теми же терминами обозначаются определенные группы лиц, входящих в разные возрастные, брачные классы, или категории. В системе родства манси четко подразделяется принадлежность, с одной стороны, к определенному роду отца/матери (кровное родство) и принадлежность к роду мужа/жены, т.е. родство по браку, свойству (приобретенное родство).

Употребление в речи носителей языка тех или иных терминов родства зависит от возраста говорящего. Если младший по возрасту обращается к

старшему, то используются одни термины, а если, наоборот, старший по возрасту – к младшему, то другие. Разветвленность, очень большое количество употребляемых лексем родственной терминологии в разных речевых ситуациях еще раз подтверждают, что данный пласт лексики мансийского языка восходит к глубокой древности. Архаичность формирования родственной терминологии манси подтверждается еще и тем, что в традиционной культуре этого народа существует еще одна форма родства – родство по духам-покровителям.

Рассмотрим некоторые термины родства в системе духовной культуры народа манси.

Сянь 'мать'. В наше время словом *сянь* называют: 1) биологическую мать; 2) духа-покровителя (женского пола), ответственного за роды и рождение детей. По представлениям манси эта женщина-дух является прародительницей, ей отведена значительная роль в родильной обрядности; одна из ее ипостасей – ворона, которая якобы и родила первого человеческого детеныша [2, с. 28]. Этот же термин присутствует в обозначении супруги верховного бога и матери его детей, ее называют *Тбрум Сянь* или *Калтась*; она тоже считается прароди-

тельницей, но в отличие от первой *съянь* она родила сына-бога, которого называли *Мир суснэ хум* 'Оберегающий (охраняющий) всех людей' [3, с. 167]. Послед или детское место роженицы также называется *съянь*.

В этом слове отражена сущность женщины-матери – родительницы, дающей жизнь. В культуре манси есть такое явление – каждый ребенок имеет еще и так называемых социальных матерей, которые наравне с биологической матерью несут ответственность за жизнь, здоровье, воспитание детей. Это *пукнисъянь* 'мать пупка (по пупку)' – та женщина, которая принимала роды; *алтумсянь* 'мать по несению' – женщина, которая перенесла его в жилой дом из *мань кола* 'родильного домика'; *пернаҗсянь* 'крестная мать' (от слова «крест») – женщина, принявшая активное участие в обряде крещения ребенка.

Большинство древних слов под влиянием различных причин претерпело фонетические изменения. Первоначально слово *съянь* звучало иначе, хотя и несло ту же нагрузку, что и в наше время. К термину *съянь* 'мать' ближе всего находится лексема *ань*, выявляющаяся в композите *анёква* 'бабушка' (по материнской линии), буквально 'мать женщины', т.е. мать матери. Термину *анёква* невольно придают значение 'красивая женщина' (от определения *аня* 'красивый' из детского языка), что тоже соответствует внутреннему качественному значению слова в восприятии ребенка, обращающегося к бабушке как к объекту почитания, любви и уважения.

Если обратиться к параллелям в родственных языках, соответствующим сущности данной лексемы¹, то в коми языке – не в будничном (где *мам* – 'мать'), а в возвышенном, позитивном отношении к женщине – лексема *ань* включает понятие 'мать' наряду с понятием 'женщина' (*зарни ань* 'золотая женщина-мать', *бур ань* 'хорошая женщина-мать'). В высоком (поэтическом) стиле коми детском языке слово *аня* означает 'красивый' как и в мансийском.

Лексема *аҗкв* тоже может соответствовать слову 'мать', например, в композитах: *аҗквпыг* 'брат' (букв. 'брат по матери'), *каҗк* 'старший брат' или 'первороденный сын матери'. В качестве примера можно взять слова из ненормативной лексики (их тоже относят к архаическому пласту); например, *аҗквенон*, что буквально означает 'твоей матери анатомический орган, производящий рождение'. Термин *аҗквылуй* можно перевести только описательно: как «некий зверь (животное) женского пола». В наше время он считается словом низкого стиля, вульгарным, ненормативным (ругательным),

но его можно соотнести с русским выражением «матерый», т.е. изначально сильный, здоровый, способный приносить потомство и вырастить. Именно такие качества, по-видимому, имели особую ценность в отдаленном прошлом. Можно предположить, что это слово образовалось очень давно, т.к. косвенно говорит о том, какое важное положение в сообществе людей отводилось в древности женщине-матери.

В прошлом у манси (особенно верхнесосьвинских) было сильно развито почитание лося, и одно из табуированных названий лосихи – *аҗкв*, т.е. взрослая самка, которая может приносить потомство.

Лексема *аҗкв* семантически тоже может восходить к слову 'мать', но в наше время ее значение сузилось. Она сохранилась только в сакральном употреблении, например, *аҗкварп ма* информанты переводят как «священная земля наших предков». Ее можно гипотетически возвести к словесной формуле «матери земля» или как «земля, где всем управляла (все необходимое делала) мать»; *аҗкварп махманув* информанты переводят как «давно, очень давно умершие наши родственники» или можно перевести как «наш народ, живший (некогда) на земле (где управляли) матери». У древних манси женщина-мать выступала в роли хозяйки семьи (рода), такого мнения придерживаются многие ученые, т.к. считают, что «наиболее стабильной частью древних коллективов были женщины, игравшие исключительную роль в заботе о потомстве и ведении домашнего хозяйства» [1, с. 139].

В хантыйском языке, родственном мансийскому, в разных его диалектах лексемы *аҗки* и *аҗкэм* тоже имеют значение 'мать-родительница'. Возможно, перечисленные выше лексемы возвращают нас к исконной, древнейшей финно-угорской языковой форме, а через язык – к истории и культуре народа (народов), говорившего на обско-угорском праязыке.

Ома 'мать', 'мама' – словом *ома* тоже называют биологическую мать, но в нем отражена не функция родительницы, дающей жизнь, он имеет значение мать-кормящая (кормилица). Можно рассмотреть слово с лингвистической точки зрения: *о-ма*, *о* – местоименный корень с указательным значением 'этот, тот', *ма* – словообразовательная морфема (суффикс), т.е. данную лексему можно перевести как 'эта кормилица (кормящая)'. В семантически близких словах можно проследить значение лексемы *ома*; например, *ма* 'мать-Земля' в значении 'кормилица'; *маг* 'мед' – символ изобилия (в мифологии имеется устойчивое выражение: «Накрыли стол с золотой едой, медовой едой, поели»), один из

¹ При анализе терминов использованы следующие издания и источники: [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

символов живой воды; *магыл* 'грудь' – живительный источник вскармливания грудных детей. Интересно, что словообразовательный суффикс *ма* имеется в словах *мань* 'маленький', *маньлат* 'юный, молодой' и *матум* 'старый (о человеке)', т.е. в тех словах, что обозначают категорию людей, которые еще или уже не могут сами себя прокормить.

В традиционной культуре манси существуют локальные особенности в употреблении лексем *съянь* и *ома*. Например, на территории северной Сосьвы, выше с. Няксимволь, говорят *съянь*, а ниже, начиная с пос. Хулимсунт, к средней Сосьве говорят *ома*. Информанты объясняют это наличием духа-покровителя верхнесосьвинской территории *Съянь*, она находилась в д. Халпавыл, а потом ее перевезли выше, в д. Лэплу (ее хранители – Тасмановы).

Каждая мать выступает еще и в ипостаси женщины. Возможно, что со временем лексема *эжкв*, претерпев фонетические изменения, упростилась и стала словом *оква* 'женщина', а еще позже получила дополнительное значение 'жена'.

По утверждению лингвистов, аппелятив *ась*, восходящий к самостоятельной лексеме со значением 'отец', является древним словообразовательным суффиксом. В родственной терминологии с ним связаны такие слова, как *сясэква* или *сяся* 'бабушка' (по отцовской линии), что буквально означает 'женщина (родившая или имеющая) моего отца', *сясь* 'сестра' (двоюродная, т.е. имеющая второстепенное значение для материнского рода). Лексема *ась* может означать 'отец биологический', но может быть и обобщенной – 'мужчина как объект почитания'.

В духовной культуре манси существует определенный порядок обращений (просьб, молитв) к богам и духам. Например, к Верховному богу обращение начинается обычно со слов: *Сбрни Тбрум аськве* 'золотой бог отец', но это совсем не означает, что *Тбрум* 'бог' – отец каждого обращающегося к нему человека (хотя в мифологии и говорится, что именно он сотворил людей). В данном случае *аськве* – это уважительное, почтительное обращение к богу. В мифологии супругой *Тбрума* выступает богиня *Калтась* (хотя в некоторых мифах она предстает в роли сестры, а не жены *Тбрума*). Она так же, как и супруг, имеет отношение к актам первотворения, именно она вдохнула жизнь в сотворенных им первых людей. Ее роль – отслеживать годы жизни и судьбу каждого человека, в родильной же обрядности она участия не принимает. *Калтась* переводится как 'подмогу делающая' (в том числе и людям), но больше всего она помогает творцу всего сущего (мужчине-отцу), без нее он бы не смог осуществить ни акт первотворения, ни последующие акты. В то же время она – достаточно самостоятельная, независимая женщина *Калтась эс четоч-*

кэква – может проживать отдельно от мужа и сына. В традиционной обрядовой практике манси она выступает в роли всеобщей богини самого высокого ранга. Возможно, в ее имени скрыто мужское и женское начало, т.е. она 'похожа на почитаемого мужчину', или другими словами, она – равная мужчине (со всеми вытекающими из этого обязательствами), более того, *Тбрум* (бог) без нее не в состоянии ни произвести, ни вырастить новой жизни.

Атя 'отец' – это слово трудно возвести к какому-либо слову родственной терминологии манси, с ним созвучно лишь *ати* 'нет', *атим* 'нет (отсутствует)'. Это можно объяснить тем, что в прошлом преобладающим видом деятельности мужчин была охота, во время охотничьего сезона охотник-мужчина мог подолгу отсутствовать. Другой факт, что в традиционной культуре манси существовали обряды инициации, и возможно, *атя* – это духовный отец, восприемник мальчика при его посвящении в юноши – старший мужчина рода, который уводил его в *яныг кол* 'священный дом' для приобщения к родовым святыням и таинствам, известным только прошедшим обряд инициации. Посвящение проходило долго – от трех до семи лет (с перерывами на сезонную хозяйственную деятельность, иногда и на женитьбу); естественно, что старший мужчина рода (им чаще всего был старший брат отца), воспитатель юношей, под руководством которого мальчики превращались в мужчин, часто и подолгу находился вне дома и семьи. Можно предположить также, что во время инициации совершалось таинство и вся связанная с ним информация тщательно скрывалась, поэтому имя человека, проводившего инициации, было табуировано, что соответствует значению слова *атим* 'нет, отсутствует'. Интересно, что славянское слово 'отец' происходит от индоевропейского 'атта', с тем же значением – духовный отец, воспитатель юношей [9, с. 267].

Каждый отец выступает еще и в ипостаси 'мужчина', т.е. уже не мальчик и не юноша, а вполне самостоятельный взрослый человек, который на своих плечах несет ответственность за продолжение и благополучие не только своей семьи, но и всего рода. Юноши, пройдя все посвятельные обряды, переходят в иную возрастную категорию – *хумыг-ийыг*, буквально 'мужчина-зверь' (имеющий силу зверя). О них говорят: «*Хумыг ийыг ёмтум*», что означает: оформился, окреп, возмужал, т.е. стал мужчиной. Охотников-мужчин в первую очередь обучали приемам охоты, в том числе и умению репродукции, поэтому о мужчинах такого возраста говорят еще и так: «*Ваньның-консынъг ёмтсын*», что означает буквально 'плечистый-когтистый стал'. Такие слова, как 'зверь', 'когтистый', – это табуированные названия медведя, т.е. в нужный момент мужчина может воплотиться в медведя,

проявить его силу, и не только физическую, но и сакральную [2, с. 143].

Аги, агирись 'дочь' – такое же древнее слово, как и 'мать'. Если выводить этимологию этого слова, то оно восходит к слову *аи 'пьет', аюнкве 'пить'*, т.е. имеет смысловое значение – 'выкормленная', 'выпоенная молоком'. Мансийское слово *аги* можно трактовать как и славянское слово 'дочь' – «дитя женского пола, слишком маленькое, чтобы иметь своих детей, но способное родить их в будущем» [9, с. 272]. В близкородственном мансийскому языку хантыйском есть сходное по смысловому значению слово *айэви 'маленькая девочка'*.

В традиционной культуре народа манси совсем еще молодых девушек и юношей относят к разряду *аюмкитум 'слабые, неокрепшие, неважные'*, т.е. члены возрастной группы, которая еще не в состоянии себя обеспечить, их еще должны поить и кормить *айтункве-тыттункве* – взрослые члены коллектива [2, с. 110].

Пыг 'сын' – слово, которое в лексике мансийского языка имеет много значений, в том числе и в родственной терминологии: *пыг* – сын, парень, юноша; *пыгрись* – мальчик; *апыг* – внук, внучка, племянник, племянница.

Этимология слова *пыг*, как и славянского 'сын', означает 'рожденный'. О смысловом оттенке слова 'сын' – 'рожденный матерью' говорилось выше: *аюквыг 'брат'* по материнской линии, т.е. рожденный (моей) матерью, или *каңк 'брат'* старший, т.е. перворожденный сын матери.

Слова, сходные по значению со словом *пыг*, существуют во многих финно-угорских языках, например, – *пи 'сын'* в коми-зырянском; *пух 'сын'* в хантыйском; *пойка 'сын'* в эстонском.

В лексике мансийского языка есть слово *пёйкил 'просьба'*, мы соотносим его с русским словом 'молитва'. Возможно, оно произошло от слова *пыг 'сын'*, а возможно, и наоборот; нам известно только, что каждая мансийская мать хотела иметь больше сыновей, которые в будущем не только стали бы кормильцами и защитниками семьи и рода, но и передали бы следующим сыновьям все накопленные духовные ценности народа. Именно с просьбами о сыновьях она обращалась к высшим силам, которые якобы могли ей помочь в рождении сыновей. Ведь не зря устами народа гласит выражение: «*Кал-тась* посылает счастливой семье мальчика, несчастливой – девочку» [3, с. 167].

Сыновья-юноши (как и дочери-девушки) относятся к разряду *аюмкитум 'слабые, неокрепшие, неважные'*, в общественной, производственной и духовной жизни коллектива их роль незначительна.

Таким образом, мансийские термины кровного родства, обозначающие понятия *мать, отец, дочь, сын*, широко представлены в речи как отдельными лексемами, так и композитами. Они восходят к архаическому пласту общенародной лексики северных манси, и в них отчетливо отражены древние воззрения народа на окружающий мир.

Источники и литература

1. Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества: Учеб. по спец. «История». 5-е изд., испр. М., 2001.
2. Попова С.А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск, 2003.
3. Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут, 1993.
4. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.
5. Ромбандеева Е.И., Кузакова Е.А. Словарь мансийско-русский и русско-мансийский. 2-е изд., перераб. СПб., 2000.
6. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
7. Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1985.
8. Lukina N.V., Ryndina O.M. Die Materialien von V. N. Černecov zur mansischen Verwandtschaftsterminologie // Finnisch-ugrische Mitteilungen. Hamburg, 1999. Bd. 21/22.
9. Семёнова М. Мы – славяне! СПб., 1998.
10. Полевые материалы автора.